

ОБЩЕЕ ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ

*Замысел,
внутренний порядок
и план этого
сочинения*

*В чем выгода и долг человека:
как добиться, чтобы он их постиг
и руководствовался ими*

1. Порядок. — Люди пренебрегают верой; им ненавистна и страшна мысль, что, может статься, в ней содержится истина. Дабы исцелить их от этого, первым делом докажите, что вера ничуть не противоречит разуму, более того, что она достохвальна, и таким путем внушите уважение к ней; затем, показав, что она заслуживает любви, посейте в добродетельные сердца надежду на ее истинность и, наконец, докажите, что она и есть истинная вера.

Вера достохвальна, потому что познала природу человека; вера достойна любви, потому что открывает путь к истинному благу.

2. Для грешников, обреченных вечному проклятию, одним из самых неожиданных ударов будет открытие, что они осуждены своим собственным разумом, на который ссылались, дерзая осуждать христианскую веру.

3. Две крайности: зачеркивать разум, признавать только разум.

4. Если бы все в мире подчинялось разуму, в христианском вероучении не осталось бы места для того, что в нем таинственно и сверхъестественно; если бы ничто в мире не было подвластно законам разума,

христианское вероучение оказалось бы бессмысленным и смехотворным.

*Пути обращения в истинную веру:
призвать людей вслушаться в голос
собственного сердца*

5. Предупреждение. — Метафизические доказательства бытия Божия так не похожи на привычные для нас рассуждения и так сложны, что, как правило, не затрагивают людские умы, а если кого-то и убеждают, то лишь на короткое время, пока человек следит за ходом развития этого доказательства, но уже час спустя он начинает с опаской думать, — а не попытка ли это его околпачить. *Quod curiositate cognoverunt superbia amiserunt*¹.

Так происходит с каждым, кто пытается познать Бога, не воззвав к помощи Иисуса Христа, кто хочет без посредника причаститься Богу, без посредника познанному. Меж тем как люди, познавшие Бога через Его Посредника, познали и свое ничтожество.

6. Как это замечательно, что канонические авторы никогда не доказывали бытие Божие, черпая доводы из мира природы. Они просто призывали поверить в Него. Никогда Давид, Соломон и др. не говорили: «В природе не существует пустоты, следовательно, существует Бог». Они, несомненно, были умнее самых умных из пришедших им на смену и постоянно прибегавших к подобным доказательствам. Это очень и очень важно.

7. Если все доказательства бытия Божия, почерпнутые из мира природы, неизбежно говорят о слабости нашего разума, не относитесь из-за этого пренебрежи-

---

¹ Что познали из любопытства, то утратили из-за гордыни (лат.).

тельно к Священному Писанию; если понимание подобных противоречий говорит о силе нашего разума, почитайте за это Священное Писание.

8. Не о системе я поведу здесь речь, а о присущих сердцу человека особенностях. Не о ревностном почитании Господа, не об отрешенности от себя, а о руководящем человеческом начале, о корыстных и самолюбивых устремлениях. И так как нас не может не волновать твердый ответ на столь близко касающийся нас вопрос, — после всех жизненных горестей, куда с чудовищной неизбежностью ввергнет нас неминуемая смерть, ежечасно грозящая нам, — в вечность ли небытия или в вечность мук...

9. Всевышний приводит к вере людские умы доводами, а сердца — благодатью, ибо Его орудие — кротость, а вот пытаться обращать умы и сердца силой и угрозами — значит поселять в них ужас, а не веру, *terrorem potius quam religionem*¹.

10. В любой беседе, в любом споре необходимо сохранить за собой право урезонить тех, кто выходит из себя: «А что, собственно говоря, вас возмущает?»

11. Маловеров следует прежде всего пожалеть, — само это неверие делает их несчастными. Обидные речи были бы уместны, когда бы оно шло им на пользу, но оно идет во вред.

12. Жалеть безбожников, пока они неустанно ищут, — разве бедственное их положение не достойно жалости? Клеймить тех, кто хвалится безбожием.

13. И он осыпает насмешками того, кто ищет? Но кому из этих двоих больше пристало насмешничать? Меж тем ищущий не насмехается, а жалеет насмешника.

14. Изрядный острослов — дрянной человек.

---

¹ Скорее утрашением, чем поучением (*лат.*).

15. Хотите, чтобы люди поверили в ваши добродетели? Не хвалитесь ими.

16. Жалеть следует и тех и других, но в первом случае пусть эту жалость питает сочувствие, а во втором — презрение.

Различие между людскими умами

17. Чем умнее человек, тем больше своеобразности видит он в каждом, с кем общается. Для человека заурядного все люди на одно лицо.

18. Сколько на свете людей, которые проповедь слушают, как обычную вечернюю службу!

19. Существует два рода людей, для которых все едино: праздники и будние дни, миряне и священники, любой грех подобен другому. Но одни делают из этого вывод, что возбраняемое священникам возбраняется и мирянам, а другие — что дозволенное мирянам дозволено и священникам.

20. Всеобщность. — Науки о нравственности и о языке хотя и обособленные, но тем не менее всеобщие.

Познание математическое и познание непосредственное

21. Различие между познанием математическим и непосредственным. — Начала математического познания вполне отчетливы, но в обыденной жизни неупотребительны, поэтому с непривычки в них трудно вникнуть, зато всякому, кто вникает, они совершенно ясны, и только совсем уж дурной ум не способен построить правильного рассуждения на основе столь самоочевидных начал.

Начала непосредственного познания, напротив, распространены и общеупотребительны. Тут нет нужды во

что-то вникать, делать над собой усилие, тут потребно всего лишь хорошее зрение, но не просто хорошее, а безупречное, ибо этих начал так много и они так разветвлены, что охватить их сразу почти невозможно. Меж тем пропустишь одно — и ошибка неизбежна: вот почему нужна большая зоркость, чтобы увидеть все до единого, и ясный ум, чтобы, основываясь на столь известных началах, сделать потом правильные выводы.

Итак, обладай все математики зоркостью, они были бы способны и к непосредственному познанию, ибо умеют делать правильные выводы из хорошо известных начал, а способные к непосредственному познанию были бы способны и к математическому, дай они себе труд пристально взглядеться в непривычные для них математические начала.

Но такое сочетание встречается нечасто, потому что человек, способный к непосредственному познанию, даже и не пытается вникнуть в математические начала, а способный к математическому большей частью слеп к тому, что у него перед глазами; к тому же, привыкнув делать заключения на основе хорошо им изученных точных и ясных математических начал, он теряется, столкнувшись с началами совсем иного порядка, на которых зиждется непосредственное познание. Они еле различимы, их скорее чувствуют, нежели видят, а кто не чувствует, того и учить вряд ли стоит: они так тонки и многообразны, что лишь человек, чьи чувства утончены и безошибочны, в состоянии уловить и сделать правильные, неоспоримые выводы из подсказанного чувствами; притом зачастую он не может доказать верность своих выводов пункт за пунктом, как принято в математике, ибо начала непосредственного познания почти никогда не выстраиваются в ряд, как начала познания математического, и подобного рода доказательство было бы бесконечно сложно. Познаваемый предмет

нужно охватить сразу и целиком, а не изучать его постепенно, путем умозаключений — на первых порах, во всяком случае. Таким образом, математики редко бывают способны к непосредственному познанию, а познающие непосредственно — к математическому, поскольку математики пытаются применить математические мерки к тому, что доступно лишь непосредственному познанию, и приходят к абсурду, ибо желают во что бы то ни стало сперва дать определения, а уж потом перейти к основным началам, меж тем для данного предмета метода умозаключений непригодна. Это не значит, что разум вообще от них отказывается, но он их делает незаметно, непринужденно, без всяких ухищрений; внятно рассказать, как именно происходит эта работа разума, никому не под силу, да и ощутить, что она вообще происходит, доступно очень немногим.

С другой стороны, когда перед человеком, познающим предмет непосредственно и привыкшим охватывать его единым взглядом, встает проблема, ему совершенно непонятная и требующая для решения предварительного знакомства со множеством определений и непривычно сухих начал, он не только устрашается, но и отвращается от нее.

Что касается дурного ума, ему равно недоступно познание и математическое, и непосредственное.

Стало быть, ум сугубо математический будет правильно работать, только если ему заранее известны все определения и начала, в противном случае он сбивается с толку и становится невыносим, ибо правильно работает лишь на основе совершенно ясных ему начал.

А ум, познающий непосредственно, не способен терпеливо доискиваться первоначал, лежащих в основе чисто спекулятивных, отвлеченных понятий, с которыми он не сталкивался в обыденной жизни и ему непривычных.

22. Разновидности здравомыслия: иные люди здраво рассуждают о явлениях определенного порядка, но начинают нести вздор, когда дело касается всех прочих явлений.

Одни умеют делать множество выводов из немногих начал, — это свидетельствует об их здравомыслии.

Другие делают множество выводов из явлений, основанных на множестве начал.

К примеру, некоторые правильно выводят следствия из немногих начал, определяющих свойства воды, но для этого нужно отличаться незаурядным здравомыслием, потому что следствия эти почти неуловимы.

Но это отнюдь не означает, что все, способные к таким выводам, — хорошие математики, ибо математика заключает в себе множество начал, а бывает ум такого склада, что он способен постичь лишь немногие начала, но зато до самой их глубины, меж тем как явления, основанные на многих началах, для него непостижимы.

Стало быть, существуют два склада ума: один быстро и глубоко постигает следствия, вытекающие из того или иного начала, — это ум пронизательный; другой способен охватить множество начал, не путаясь в них, — это ум математический. В первом случае человек обладает умом сильным и здоровым, во втором — широким, и далеко не всегда эти свойства сочетаются: сильный ум в то же время может быть ограниченным, широкий ум — поверхностным.

23. Кто привык судить обо всем по подсказке чувств, тот ничего не смыслит в логических умозаключениях, потому что стремится с первого взгляда вынести суждение об исследуемом предмете и не желает вникать

в начала, на которых он зиждется. Напротив того, кто привык вникать в начала, тот ничего не смыслит в доводах чувств, потому что прежде всего старается выделить эти начала и не способен одним взглядом охватить весь предмет.

*Правила, лежащие в основе суждений.
Многообразие и единство*

24. Суждение математическое, суждение непосредственное. — Истинное красноречие пренебрегает красноречием, истинная нравственность пренебрегает нравственностью, — иными словами, нравственность, выносящая суждения, пренебрегает нравственностью, идущей от ума и не ведающей правил.

Ибо суждению в той же мере присуще чувство, в какой научные выкладки присущи разуму. Непосредственное познание присуще суждению, математическое — разуму.

Пренебрежение философствованием и есть истинная философия.

25. Кто судит о произведении, не придерживаясь никаких правил, по сравнению с человеком, эти правила знающим, все равно что не имеющий часов по сравнению с человеком при часах. Первый заявит: «Прошло два часа», другой возразит: «Нет, только три четверти часа», а я посмотрю на часы и отвечу первому: «Вы, видно, скучаете», — и второму: «Время для вас летит», потому что прошло полтора часа. А если мне скажут, что для меня оно тянется и вообще мое суждение основано на прихоти, я только посмеюсь: спорщики не знают, что оно основано на показаниях часов.

26. Чувство так же легко развратить, как ум.

И ум, и чувство мы совершенствуем или, напротив того, развращаем, беседуя с людьми. Стало быть, иные

беседы нас развращают, иные — совершенствуют. Значит, следует тщательно выбирать собеседников; но это невозможно, если ум и чувство еще не развиты или не развращены. Вот и получается заколдованный круг, и счастлив тот, кому удается выскочить из него.

27. Природа разнообразит и повторяет, искусство повторяет и разнообразит.

28. Различия столь многообразны, что и звучание голосов, и походка, и покашливание, и сморкание, и чих... Мы умеем различать сорта винограда, различим среди других, скажем, мускат: тут кстати вспомнить Дезарга, и Кондрие, и всем известную прививку. Но разве этим вопрос исчерпывается? Хоть раз произвела ли лоза две одинаковые кисти? А в кисти бывают ли две одинаковые виноградины? И т. д.

Я не способен дважды одинаково судить об одном и том же предмете. Я не судья своему собственному сочинению, пока его пишу: мне, наподобие художника, надобно отойти от него на какое-то расстояние, но не слишком большое. А все-таки на какое именно? Догадайтесь.

29. Многообразие. — Богословие — это наука, но сколько в ней одновременно сочетается наук! Человек слагается из множества частей, но, если его расчленишь, окажется ли человеком каждая его часть? Голова, сердце, вены, каждая вена, каждый ее отрезок, кровь, каждая ее капля?

Город или деревня издали кажутся городом или деревней, но стоит подойти ближе — и мы видим дома, деревья, черепичные крыши, листья, травы, муравьев, муравьиные ножки, и так до бесконечности. И все это заключено в слове «деревня».

30. Любой язык — это тайнопись, и, чтобы постичь неведомый нам язык, приходится заменять не букву буквой, а слово словом.

31. Природа повторяет себя: зерно, посеянное в тучную землю, плодоносит; мысль, посеянная в восприимчивый ум, плодоносит; числа повторяют пространство, хотя так от него отличны.

Все создано и ведóмо Единым Творцом: корни, ветви, плоды, причины, следствия.

Правила, лежащие в основе всех языков.

Порядочность

32. Я равно не выношу и любителей шутовства, и любителей напыщенности: ни тех ни других не избежешь себе в друзья. — Только тот полностью доверяет своим ушам, у кого нет сердца. Порядочность — вот единственное мерило. Поэт, но порядочный ли человек? — Красота недоговоренности, здравого суждения.

33. Мы браним Цицерона за напыщенность, меж тем у него есть почитатели, и в немалом числе.

34. (Эпиграммы.) — Эпиграмма на двух кривых никуда не годится, потому что она их ничуть не утешает, а вот автору приносит толику славы. Все, что идет на потребу только автору, никуда не годится. *Ambitiosa recidet ornamenta*¹.

35. Если бы молния ударяла в низины, поэты и вообще любители порассуждать о подобных предметах стали бы в тупик из-за отсутствия доказательных объяснений.

36. Когда читаешь сочинение, написанное простым, натуральным слогом, невольно удивляешься и радуешься: думал, что познакомишься с автором, и вдруг обнаружил человека! Но каково недоумение людей, наделенных хорошим вкусом, которые надеялись, что, прочитав книгу, познакомятся с человеком, а познакомились

---

¹ Излишнюю пышность урежет (*лат.*).

только с автором! Plus poetice quam humane locutus es¹. Как облагораживают человеческую натуру люди, умеющие внушить ей, что она способна говорить обо всем, даже о богословии!

37. Между нашей натурой — не важно, слабая она или сильная — и тем, что нам нравится, всегда есть некое сродство, которое лежит в основе нашего образца приятности и красоты.

Все, что отвечает этому образцу, нам приятно, будь то напев, дом, речь, стихи, проза, женщина, птицы, деревья, реки, убранство комнат, платье и пр. А что не отвечает, то человеку с хорошим вкусом нравиться не может.

И подобно тому, как есть глубокое сродство между домом и напевом, сотворенными в согласии с этим единственным и прекрасным образцом, ибо они напоминают его, хотя и дом, и напев сохраняют свою особливость, так есть сродство и между всем, что создано по дурному образцу. Это вовсе не означает, будто дурной образец тоже один-единственный, напротив того, их великое множество, но, к примеру говоря, между дрянным сонетом, какому бы дурному образцу он ни следовал, и женщиной, одетой по этому образцу, всегда есть разительное сходство.

Чтобы понять, до какой степени смехотворен дрянной сонет, довольно уяснить себе, какой натуре и какому образцу он соответствует, а затем представить себе дом или женский наряд, сотворенный по этому образцу.

38. Поэтическая красота. — Раз уж мы говорим «поэтическая красота», следовало бы говорить и «математическая красота», и «лекарская красота», но так не говорят, и причина этому в следующем: все отлично

---

¹ Ты говорил скорее как поэт, нежели как человек (лат.).

знают, какова суть математики и что состоит она в доказательствах, равно как знают, в чем суть лекарства и что состоит она в исцелении, но не знают, в чем состоит та самая приятность, в которой и заключается суть поэзии. Никто не знает, каков он, тот присущий природе образец, которому следует подражать, и, чтобы восполнить сей пробел, придумывают самые замысловатые выражения — например, «золотой век», «чудо наших дней», «роковой» и тому подобное — и называют сие ни с чем не сообразное наречие «поэтическими красотами».

Но представьте себе женщину, разряженную по такому образцу — а состоит он в том, что любой пустяк облекается в пышные словеса, — и вы увидите красоту, увешанную зеркальцами и цепочками, и не сможете не расхохотаться, ибо куда понятнее, какой должна быть приятная на вид женщина, чем какими должны быть приятные стихи. Но люди неотесанные станут восхищаться обликом этой женщины, и найдется немало деревень, где ее примут за королеву. Потому-то мы и называем сонеты, скроенные по этому образцу, «первыми на деревне».

39. В свете не прослыть знатоком поэзии, если не повесить вывески «поэт», «математик» и т. д. Но человек всесторонний не желает никаких вывесок и не делает разницы между ремеслом поэта и золотошвея.

К человеку всестороннему не пристает кличка «поэт» или «математик»: он и то и другое и может судить о самых разных предметах. В нем ничто не бросается в глаза. Он может принять участие в любой беседе, завязавшейся до его прихода. Никто не замечает его познаний в той или иной области, пока в них не появляется надобность, но уж тут о нем немедленно вспоминают, ибо он из того сорта людей, о которых никто не скажет, что они красноречивы, пока не заговорят о красноречии,

но стоит заговорить — и все начинают восхвалять красоту их речей.

Стало быть, когда при виде человека первым делом вспоминают, что он понаторел в поэзии, это отнюдь не похвала; с другой стороны, если речь идет о поэзии и никто не спрашивает его мнения, это тоже дурной знак.

40. Хорошо, когда, назвав кого-то, забывают прибавить, что он «математик», или «проповедник», или отличается красноречием, а просто говорят: «Он — порядочный человек». Мне по душе лишь это всеобъемлющее свойство. Я считаю дурным признаком, когда, при взгляде на человека, все сразу вспоминают, что он написал книгу: пусть столь частное обстоятельство приходит на ум лишь в случае, если речь заходит именно об этом обстоятельстве (*Ne quid nimis*¹): иначе оно подменит собой самого человека и станет именем нарицательным. Пусть о человеке говорят, что он — искусный оратор, когда разговор касается ораторского искусства, но уж тут пусть не забывают о нем.

41. У человека множество надобностей, и расположен он лишь к тем людям, которые способны их ублагоотворить — все до единой. «Такой-то — отличный математик», — скажут ему про имярек. «А на что мне математик? Он, чего доброго, примет меня за теорему». — «А такой-то — отличный полководец». — «Еще того не легче! Он примет меня за осажденную крепость. А я ищу просто порядочного человека, который постарается сделать для меня все, в чем я нуждаюсь».

42. (Всего понемногу. Уж если невозможно быть всеведущим и досконально знать все обо всем, следует знать всего понемногу. Ибо куда лучше иметь частичные знания, но обо всем, чем доскональные — о какой-

---

¹ Ни в чем излишка (*лат.*).

нибудь частице: всеохватывающие знания предпочтительней. Разумеется, всего лучше знать все вообще и в частности, но, если приходится выбирать, следует выбрать знания всеохватывающие, и светские люди это понимают и к этому стремятся, ибо светские люди зачастую — неплохие судьи.)

43. Доводы, до которых человек додумался сам, обычно кажутся ему куда более убедительными, нежели те, что пришли в голову другим.

44. Внимая рассказу, со всей подлинностью живописующему какую-нибудь страсть или ее последствия, мы в самих себе находим подтверждение истинности услышанного, хотя до сих пор ничего подобного как будто не испытывали, и вот начинаем любить того, кто помог нам все это прочувствовать, ибо речь идет уже не о его достоянии, а о нашем собственном; таким образом, мы проникаемся приязнью к нему за его достойный поступок, не говоря уже о том, что подобное взаимопонимание всегда располагает к любви.

45. Реки — это дороги, которые и сами движутся, и нас несут туда, куда мы держим путь.

46. Язык. — Отвлекать ум от начатого труда следует единственно для того, чтобы дать ему отдых, да и то отнюдь не когда вздумается, а когда нужно, когда для этого пришло время: отдых, если он не вовремя, утомляет и, значит, отвлекает от труда; вот как хитро плотская невоздержанность принуждает нас делать обратное тому, что требуется, и при этом не платит ни малейшим удовольствием — той единственной монетой, ради которой мы готовы на все.

47. Красноречие. — Существенное следует сочетать с приятным, но и приятное следует черпать в истинном, и только в истинном.

48. Красноречие — это живописное изображение мысли; поэтому, если, выразив мысль, оратор добавляет

к ней еще какие-то черты, он создает уже не портрет, а картину.

49. Разное. Язык. — Кто, не жалея слов, громоздит антитезы, тот уподобляется зодчему, который ради симметрии изображает ложные окна на стене: он думает не о правильном выборе слов, а о правильном расположении фигур речи.

50. Симметрия, воспринимаемая с первого взгляда, основана и на том, что нет резона обходиться без нее, и на том, что телосложение человека тоже симметрично; именно поэтому мы привержены к симметрии в ширину, но не в глубину и высоту.

51. Мысль меняется в зависимости от слов, которые ее выражают. Не мысли придают словам достоинство, а слова — мыслям. Найти примеры.

52. Скрывать мысль и надевать на нее личину. Уже не король, не папа, не епископ, а «августейший монарх» и пр., не Париж, а «стольный град державы». В одних кругах принято называть Париж Парижем, а в других — непременно стольным градом.

53. «Карета опрокинулась» или «карета была опрокинута» — в зависимости от смысла. «Полить» или «налить» — в зависимости от намерения.

(Речь г-на Леметра в защиту человека, насильственно посвященного в монахи ордена кордельеров.)

54. «Прихвостень власть имущих» — так способен сказать только тот, кто сам прихвостень; «педант» — только тот, кто сам педант; «провинциал» — только тот, кто сам провинциал, и я готов биться об заклад, что это слово в заголовке книги «Письма к провинциалу» тиснул сам типограф.

55. Разное. — Ходячее выражение: «Мне явилась охота взяться за это».

56. «Открывательная» способность ключа, «притягательная» — крючка.

57. Разгадать смысл: «Мое участие в этой вашей неприятности». Г-н кардинал вовсе не стремился быть разгаданным. — «Мой дух преисполнен тревоги». «Я встревожен» — куда лучше.

58. Мне становится не по себе от таких вот любезностей: «Я причиняю вам слишком много хлопот, я так боюсь, что наскучил вам, я так боюсь, что посягаю на ваше драгоценное время». Либо сам начинаешь так говорить, либо раздражаешься.

59. Что за дурная манера: «Простите меня, сделайте милость!» Когда бы не эта просьба о прощении, я не заметил бы ничего обидного для себя. «Извините за выражение...» Дурно здесь только извинение.

60. «Погасить пылающий факел восстания» — слишком пышно. «Тревога его гения» — два лишних слова, к тому же весьма смелых.

61. Порою, подготовив некое сочинение, мы замечаем, что в нем повторяются одни и те же слова, пытаемся их заменить и все портим, настолько они были уместны: это знак, что все нужно оставить как было; пусть себе зависть злорадствует, она слепа и не понимает, что повторение не всегда порок, ибо единого правила тут не существует.

62. Иные люди хорошо говорят, а вот пишут не очень хорошо. Обстановка и слушатели разжигают их ум, и он работает куда живее, чем когда этого топлива нет.

Порядок

63. Лишь кончая писать задуманное сочинение, мы уясняем себе, с чего нам следовало его начать.

64. Говоря о своих сочинениях, иные авторы то и дело твердят: «Моя книга, мое толкование, мой труд по истории» — и тому подобное. Точь-в-точь как те выскочки, которые обзавелись собственным домом и не

устают повторять: «Мой особняк». Лучше бы говорили: «Наша книга, наше толкование, наш труд по истории», потому что, как правило, там больше чужого, нежели их собственного.

65. Пусть не корят меня за то, что я не сказал ничего нового: ново само расположение материала; игроки в мяч бьют по одному и тому же мячу, но с неодинаковой меткостью.

С тем же успехом меня можно корить за то, что я употребляю давным-давно придуманные слова. Стоит по-иному расположить одни и те же мысли — и получается новое сочинение, равно как, если по-иному расположить одни и те же слова, получится новая мысль.

66. Стоит изменить порядок слов — меняется их смысл, стоит изменить порядок мыслей — меняется впечатление от них.

67. Доказывая какое-нибудь свое утверждение, люди прибегают к помощи примеров, ну а случись у них надобность доказать несомненность этих примеров, они прибегли бы к новым примерам, ибо каждый считает сложным только то, что он желает доказать, меж тем примеры просты и все объясняют. Вот почему, доказывая любое общее положение, следует подводить его под правило, выведенное из частного случая, а доказывая любой частный случай, следует начинать с общего правила. Ибо всем кажется темным лишь то, что они собираются доказать, а доказательства, напротив, — совершенно ясными, хотя подобная уверенность — плод сложившегося предубеждения: раз что-либо требует доказательства, значит оно темно, тогда как доказательства совершенно ясны и, следовательно, общепонятны.

68. Порядок. — Почему я должен согласиться с тем, что моя нравственность состоит из четырех частей, а не из шести? Почему должен считать, что в добродетели

их четыре, а не две, не одна-единственная? Почему «*Abstine et sustine*»¹ предпочтительнее, нежели «Следовать природе», или платоновского «Делай свое дело, не творя несправедливостей», или еще чего-нибудь в таком роде? «Но ведь все это, — возразите вы, — может быть выражено единым словом». Вы правы, но, если его не объяснить, оно бесполезно, а едва начинаешь объяснять, растолковывать оное правило, содержащее в себе все остальные, как они незамедлительно выходят из его границ и образуют ту самую пуганицу, которой вы хотели избежать. Таким образом, когда все правила заключены в одном, они бесполезны, они словно запрятаны в сундук, а наружу выходят в природной своей запутанности. Природа установила их, но при этом одно не вытекает из другого.

69. Природа каждую из своих истин ограничила ее собственными пределами, а мы изо всех сил стараемся их совместить и, таким образом, идем против природы: у всякой истины есть свое место.

70. Порядок. — Я развил бы рассуждение о порядке примерно так: чтобы стала ясна тщета любых усилий человеческого существования, ясно показать тщету жизни обыденной, а затем — жизни, согласной с философией пирроников, стоиков; но порядка в ней все равно не будет. Я более или менее знаю, каким он должен быть и сколь мало на свете людей, обладающих этим знанием. Ни одна наука, созданная людьми, не смогла его соблюсти. Не смог его соблюсти и святой Фома. Есть порядок в математике, но, при всей своей глубине, она бесполезна.

71. Пирронизм. — Я решил записать здесь свои мысли, притом не соблюдая никакого порядка, и эта чересполосица будет, возможно, намеренной: в ней-то

---

¹ Воздерживайся и терпи (*лат.*).

и заложен настоящий порядок, который с помощью этого самого беспорядка выявит суть трактуемого мною предмета. Я оказал бы ему слишком много чести, если бы изложил свои мысли в строгом порядке, меж тем как моя цель — доказать, что никакого порядка в нем нет и быть не может.

72. Порядок. — Против утверждения, будто в изложении Священного Писания нет порядка. У сердца свой порядок, у разума — свой, основанный на доказательствах неких главных положений: порядок, присущий сердцу, совсем другого свойства. Никто не станет доказывать, что именно его должно любить, выстраивая в строгом порядке причины оногo долженствования, — это было бы смехотворно.

У Иисуса Христа, у святого Павла свой порядок в проповеди милосердия, ибо их цель — не учительство, а возжигание огня в людских душах. Точно так же и у Блаженного Августина. Порядок этот основан на постоянных отступлениях от главной темы, чтобы, неизменно возвращаясь к ней в конце, крепче ее запечатлеть.

План

73. Первая часть. — Горестное ничтожество человека, который не обрел Бога.

Вторая часть. — Блаженный удел человека, который обрел Бога.

Или иначе:

Первая часть: О растленности природы. Самое себя растлившей.

Вторая часть: О возможности искупления. С помощью Священного Писания.

74. В земном нашем пределе все без исключения носит печать либо горестного ничтожества человека,

либо милосердия Господня, либо бессилия человека, не обретшего Бога, либо силы человека, который Бога обрел.

75. Кто познал Бога, но не познал всего своего горестного ничтожества, тот впадает в гордыню. Кто познал все свое горестное ничтожество, но не познал Бога, тот впадает в отчаянье. Кто познал Иисуса Христа, тот хранит равновесие, ибо в Нем мы явственно видим и Бога, и наше собственное горестное ничтожество.

Содержание

Общее предуведомление ЗАМЫСЕЛ, ВНУТРЕННИЙ ПОРЯДОК И ПЛАН ЭТОГО СОЧИНЕНИЯ	5
Часть первая ЧЕЛОВЕК, НЕ ПОЗНАВШИЙ БОГА	
<i>Предуведомление</i>	29
Глава I. Место человека в лоне природы: две бесконечности	32
Глава II. Ничтожество человека. Вводящие в обман могучие силы	42
Глава III. Величие человека — в чем оно проявляется.	95
Глава IV. Заключение: должно искать Бога	116
Часть вторая ЧЕЛОВЕК, ОБРЕТШИЙ БОГА	
<i>Предуведомление</i>	133
Раздел I. ПОИСКИ	137
Раздел II. УЗЕЛ	166
Раздел III. ДОКАЗАТЕЛЬСТВА БЫТИЯ ИИСУСА ХРИСТА	190

Глава I. Ветхий Завет	192
Глава II. Новый Завет. Иисус Христос.....	252
Глава III. Церковь	303
Заключение	
ЗНАК БЛАГОВОЛЕНИЯ	
И ТАИНСТВО ЛЮБВИ ГОСПОДНЕЙ	335